

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

УДК 328.182

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-110-120

EDN: LAVWCF

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Воронцов Ю. А.* Депутатские межфракционные группы как феномен представительства интересов в Государственной Думе Российской империи // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 110–120. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-110-120. EDN: LAVWCF

ДЕПУТАТСКИЕ МЕЖФРАКЦИОННЫЕ ГРУППЫ КАК ФЕНОМЕН ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю. А. Воронцов

Независимый исследователь, 614068, Россия, Пермь, ул. Плеханова, 2

ura1550@mail.ru

Researcher ID: PLR-9899-2026

SPIN-код: 9415-5347

Одна из важнейших функций парламента – представительство интересов разнообразных социальных групп. Дробность социальной структуры позднеимперского российского общества наравне с неразвитостью партийной системы предполагала разнообразие форм отстаивания интересов и в Государственной Думе Российской империи. Помимо политических фракций, организовывались межфракционные группы, основанные на различных видах социальной близости депутатского корпуса. Формирования были специфически организованы, отличались социальной структурой и сплоченностью коллектива, приоритетами и доступностью инструментария, по-разному взаимодействовали с обществом, представляемыми сообществами и правительством. Сравнение разнообразных «всепартийных» представительств проводится на основании двухуровневой классификации, основанной на степени институционализации и определяющем принципе «общности интересов». Исследование межфракционных групп позволяет не только расширить представления о роли и месте данных объединений в рамках Думы и среди других депутатских формирований, в общественно-государственных отношениях начала XX в. и в процессе принятия управленческих решений общеимперского уровня, но и углубить понимание представительства интересов нижней палатой Российской империи как одной из институциональных функций парламента. Анализ проводится на основании воспоминаний и дневников депутатов, стенографических отчетов нижней палаты, периодических изданий, документов политических партий и фракций, публицистических работ современников, думских справочников и материалов делопроизводства правительственных учреждений. Модерные классово-корпоративные объединения, совмещавшие разнообразные ориентированные на результат формы думской и внедумской деятельности, обладали наибольшим потенциалом в отстаивании узких потребностей, тогда как все остальные коллективы – носители специфических интересов – могли лишь точно улучшать положение своих социальных групп.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная Дума, межфракционные группы, представительство интересов, лоббизм, законотворческая деятельность.

Переход от традиционно-сословного общественного уклада к классовой социальной структуре индустриального общества, продолжавшийся в Российской империи начала XX в., влиял и на разнообразие специфических интересов, отстаиваемых в законодательных учреждениях. Многообразие форм лоббистской деятельности социальных групп, особенностей их положения в Думе и за ее пределами раскрывается И. К. Кирьяновым [Кирьянов, 2006, 2009] и К. А. Соловьевым [Соловьев, 2011, 2012].

Среди коллективных форм думского представительства интересов исследовательский приоритет отдается политическим фракциям [Козбаненко, 1996; Сметанин, 2016]. Не выпадают из исследовательского поля и межфракционные объединения: сословные группы казаков [Братолобова, 2016], крестьян [Чемакин, 2015] и духовенства [Васильев, 2011], еврейские [Кельнер, 2018] и сибирские [Харусь, 2015] депутатские формирования, группы местного самоуправления [Нардова, 2007], торгово-промышленное совещание [Аврех, 1968] и др.

Между тем применение сравнительного анализа по отношению к политическим фракциям является сложившейся традицией, чего нельзя сказать в отношении межфракционных депутатских групп. На основании концепции «групп интересов» А. Бентли [Bentley, 1908], раскрывающей процесс принятия управленческих решений через взаимное давление социальных групп в борьбе за ресурсы, в настоящем исследовании межфракционные объединения классифицируются и сравниваются по организационным особенностям и технологиям лоббистской деятельности как между собой, так и по типуажу представляемых потребностей.

Депутатские межфракционные группы организовывались на принципах «общности интересов» и «двойного членства»: единение происходило на основе принадлежности к определенной социальной группе и разделении ее специфических нужд и потребностей и не подразумевало выход из состава политических фракций. Необходимость альтернативных объединений обуславливалась недостаточным представительством интересов фракциями, первичностью в их ориентирах политической составляющей, превращавшей нужды отдельных социальных общностей во вторичные. В отличие от межфракционных блоков и политических фракций, депутатские группы ориентировались не на борьбу за власть для переустройства государства и общества в соответствии со своей политической программой, а на продвижение специфических социальных устремлений в рамках деятельности других властных групп.

Несмотря на провозглашаемую «беспартийность» межфракционных формирований, все объединения тяготели к крупным фракциям в соответствии с принадлежностью большинства их членов. Вхождение в «зону влияния» фракции вынуждало группу «урезать» выставляемые требования в соответствии со стратегией «старшей» фракции в обмен на ее поддержку (Съезды и конференции..., 2000, с. 80), при этом вторичные политические ориентиры зачастую оказывались токсичными для коллектива: «Фракционная наша обособленность и увлечение политической мешают нашему единению и притупляют в нас сознание общности интересов» (Никонович, 1912, с. 91).

Группы обладали рядом преимуществ. Сибирские депутаты II созыва благодаря межфракционности «прошли во все комиссии под разными флагами», в случае организации фракции «при числе наличных депутатов (10–12) они могли получить самое ничтожное представительство в комиссиях ([Лантев], 1907, с. 34–35). Преимуществом являлась и осведомленность о позиции фракций по специфическим вопросам с возможностью влияния на них изнутри.

Именно этим еп. Евлогий аргументировал отказ сформировать особую «клерикальную фракцию»: «Духовенство во всех партиях должно работать по совести. Важнее, чтобы оно было вкраплено во все политические партии и в них уже защищало церковные взгляды. Влияние его будет шире и моральный авторитет устойчивей» (Евлогий, 1994, с. 213). Также аргументировалась «межфракционность» и еврейского представительства: «...мы... обязаны в каждой группе и в каждой партии выступать и организовывать общественное мнение. Мы хотим рассыпаться по всем этим группам, повсюду заявлять о нуждах еврейства и там, где нужно, идти не только сомкнутым строем, но и врассыпную» (Протоколы..., 1906, с. 102).

Для раскрытия депутатских межфракционных групп во всем их многообразии используется авторская классификация, основанная на двух критериях: по уровню официальной институционализации и на основании определяющего принципа «общности интересов». Институционализация депутатских формирований осуществлялась при помощи подачи заявления в Совет Думы. Объединения, прошедшие ее, характеризуются как «группы давления», в ином случае представительство не выходило за рамки «совещательной группы», создаваемой с целью информационного сопровождения и координации депутатской деятельности. Одновременно с этим выделяются современные депутатские ассоциации, объединяющиеся на основании общ-

ности классово-корпоративных устремлений, сословные объединения, отстаивающие потребности традиционных сообществ, и этно-территориальные формирования, разделяющие требования национальных или областных общностей.

Территориальный и этноконфессиональный принцип формирования был представлен сибирской и еврейской совещательными группами. В Думе I созыва, функционировавшей с 27 апреля по 9 июля 1907 г., организовывалась «еврейская думская коллегия»: «...они обязывались совещаться и действовать согласованно по вопросам еврейского равноправия, не образуя, однако, отдельной политической фракции» (Дубнов, 1923, с. 401–402). В кадетской фракции состояли большинство членов группы I и II созыва (8 из 12 в I, 3 из 4 во II), и все 3 депутата III и IV созывов, «по всем общегосударственным вопросам она заняла позицию, идентичную с ними» [Залевский, 1914, с. 322]. Из-за немногочисленности евреев в Думе, за исключением I созыва, руководство объединением осуществлялось коллективно ее членами при постоянном участии думцев разных созывов и еврейских общественных деятелей.

Во II созыве (20 февраля – 3 июня 1907 г.) сибирские депутаты приняли решение «составить... свою фракцию или, по крайней мере, группу» ([Лантев], 1907, с. 33), своеобразный союз «депутатов сибирских и степных губерний и областей», связанных областной «общностью интересов» (Там же, с. 34). Численность союза не превышала 23 человек (III и IV созывы – 13–14), а ее внепартийный статус подразумевал принадлежность его членов к оппозиции, «ибо союзнику или октябристу в сибирской группе не ужиться» (Скорыходов, 1913), по фракционной принадлежности объединение считалось «филиальным отделением кадетской фракции» (Ветошкин, 1912, с. 324). Областное представительство управлялось избираемым президиумом, председателем, двумя заместителями и секретарем. На общих собраниях координировалась деятельность объединения, а вся «деловая работа» сосредотачивалась в внутригрупповых комиссиях, учреждаемых президиумом.

Депутаты от Сибири позиционировали себя «не простыми докладчиками о местных нуждах... но бессословными, внеклассовыми представителями общих интересов всей обширной окраины» (Головачев, 1906, с. 3), выразителями «ее нужд и... интересов в стенах Думы и ее заседаниях» (Л., 1907, с. 3). Они должны добиваться «отмены прежних циркуляров и распоряжений, тормозивших жизнь Сибири», и работать над созданием «новых законодательных актов... для подъема ее экономической и общественной жизни... основанных на точном и всестороннем знании местных условий» (Головачев, 1906, с. 5).

Традиционные потребности, разделяемые на основании обладания аскриптивным сословным статусом, представлены совещательной пастырской, казачьей и крестьянской группами. Ввиду общих специальных задач, выдвигаемых казачьим бытом, во II созыве была организована казачья группа. В II и IV созывах формирование включало 15–17 казачьих депутатов, проходило официальную регистрацию и объединялось на сословном факторе. В III созыве приоритет смещался к территориально-областным и совещательным принципам единения. Помимо 16 казаков, в объединение входило 14 неказачьих депутатов от казачьих областей. Казачьи депутаты тяготели к либеральной оппозиции: во II–IV созывах от 2/3 до всех членов представительства были кадетами или прогрессистами.

В ноябре 1907 г. начала организовываться крестьянская беспартийная группа, объединявшаяся «с целью защиты крестьянских интересов» (Около Думы, 1907). Те же цели преследовало формирование и в IV созыве: «...крестьянская группа будет обсуждать лишь те общеполитические вопросы, которые так или иначе затрагивают специфические условия крестьянской жизни» ([Куманин Л.К.], 1999, с. 5–6). В сословном объединении III созыва (1 ноября 1907 – 9 июня 1912 г.) преобладали правые крестьяне (Герасимов, 1908, с. 84), в IV созыве (15 ноября 1912 – 6 октября 1917) – большинство крестьян либерального центра при общей численности в 55 депутатов (Государственная Дума. IV созыв. I сессия. Справочник, 1913, с. 186–187).

Крестьянские депутаты ставили своими целями «рассмотрение, обсуждение и внесение в Государственную Думу от имени крестьянской группы законопроектов, направленных к улучшению хозяйственного быта и правового положения крестьян... совместная защита их интересов в Думе... освещение с крестьянской точки зрения вопросов общего значения» (Караулов,

1914, с. 30–31). Казацкие и крестьянские представительства управлялись избираемым президиумом – председателем, секретарем и его товарищем. Формировался и коллективный орган управления – координационный совет у казаков, бюро у крестьян.

В III–IV созывах Думы «на почве общего сознания крайней необходимости самой энергичной защиты церкви» (*Богородицкий*, 1912, с. 749) организовывалась группа духовенства. Объединение состояло из ~30–35 священников с октябристов и правее: «...большинство пастырей оказались верным тем историческим заветам, в которых они воспитались» (Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II, 1908–1909, ч. 3, стб. 2228). Руководство пастырским кружком не избиралось большинством голосов, а осуществлялось думскими епископами благодаря значимости в церковной иерархии, личному авторитету и наличию депутатского опыта.

Формировавшиеся на основании классовой и корпоративной принадлежности современные интересы отстаивались торгово-промышленной совещательной группой, городской и земской группами давления. В III–IV созывах функционировало Совещание членов обеих законодательных палат, интересующихся работами в области промышленности, торговли и финансов. Представительство крупного капитала было организовано как «созданный по частной инициативе кружок» (*Беседы...*, 1907, 9 декабря) для «обмена мыслей... ознакомления друг друга с ходом текущей работы в палатах, с настроениями и взглядами членов» (*Вопросы...*, 1910, с. 552). В группу примерно поровну входили члены обеих палат, при максимальной численности в 55 депутатов. В Государственном Совете межпарламентское объединение характеризовалось как «филиальное отделение группы центра» (*Беседы...*, 1907, 9 декабря), 2/3 ее членов в Думе принадлежали к октябристам.

Промышленно-торговое совещание состояло из двух отдельных подразделений (от Думы и Совета), каждое из которых имело своих старост и заместителей. Еще в ноябре 1907 г. был избран единый президиум из председателя и заместителя из членов Совета, в октябре 1908 г. заместителями были переизбраны два члена Думы.

В феврале – марте 1913 г. были организованы беспартийные земская и городская группы. Целью формирования городской группы указывалось «теоретическое обоснование и достижение междупартийных соглашений по вопросам городского самоуправления» (*[Куманин Л.К.]*, 1999, с. 26); «земцы» организовывалась «с целью широкой защиты земских интересов... необходимостью объединить в этой защите представителей всех партий» (*Фракция Союза...*, 1914, с. 49). Представительство местного самоуправления опиралось на либеральный центр и умеренных консерваторов: из 94 членов земского объединения ~31 % октябристов, по ~23 % националистов и центристов (Государственная Дума. IV созыв. I сессия. Справочник, 1913, с. 192–194), среди 92 членов городского «союза» ~22 % октябристов, по ~19 % националистов и кадетов (Там же, с. 189–191). Управлялись корпоративные формирования приблизительно к политическим фракциям: в земской группе большинством голосов избирались председатель и секретарь, бюро из семи думцев, «горожанами» также избирался товарищ (заместитель) председателя и пять членов бюро вместо семи.

Все межфракционные группы ориентировались на участие в думском законотворческом процессе и пытались отстаивать специфические социальные интересы в других органах власти, однако их инструментарий отличался из-за доступности средств: думская деятельность раскрывается через деятельность в комиссиях и общем зале Думы, внедумская – через взаимодействие с обществом и лоббирование своих потребностей в правительственных учреждениях.

«Еврейская коллегия» имела обширные связи с национальной внедумской общественностью: ее деятельность сопровождали еврейские политические объединения и общественные организации, ведущие широкую просветительскую, издательскую и правозащитную деятельность, обладающие полезными контактами за рубежом. Поддержка оказывалась «Союзом достижения полноправия евреев в России», просветительскими еврейским литературным обществом и историко-этнографическим обществом, Ковенским комитетом при депутатах III созыва, политическим и информационным бюро при депутатах IV созыва, еврейским комитетом помощи жертвам войны и другими объединениями, организованными депутатами разных со-

зывать. Широкая издательская деятельность была направлена на привлечение внимания общества к нуждам еврейства, «для его мобилизации в поддержку борьбы за политическое и гражданское равноправие» [Кельнер, 2018, с. 182].

Из-за равнодушно-отрицательного отношения большинства депутатов III–IV созывов к еврейским чаяниям возможности представительства были ограничены: «Евреи-депутаты выступали с речами и предложениями, встречали поддержку у депутатов левых партий и обычно у кадетов, но их предложения и поправки почти всегда отклонялись» (Фрумкин, 2002, с. 105).

Деятельность сместилась к борьбе против новых антиеврейских ограничений, чтобы «в Государственной Думе не было бы места огульным нападкам и оскорблениям национального чувства отдельных групп» (Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I, 1908–1909, ч. 1, стб. 1528). Борьба велась преимущественно информативными методами: «...еврей-депутаты обязаны освещать с трибуны Думы положение еврейского народа по-всякому более или менее существенному поводу, возникающему в жизни Думы» (Винавер, 1907, с. 14). По инициативе деятеля еврейской группы Л. Н. Нисселовича был разработан законопроект о пенсиях учителям еврейских начальных училищ, утвержденный императором.

В свою очередь, сибирская группа также ориентировалась на «установление связи сибирских депутатов... со всем населением» (П. Г., 1907, с. 2), в том числе и путем приема приговоров, ходатайств и прошений. При участии депутатов издавался журнал «Сибирские вопросы», сибиряки сотрудничали в различных областных и столичных газетах, при помощи которых проводилось «освещение во всю ширину и глубину неприглядных сторон сибирской действительности» (Еще о сибирской..., 1912, с. 42).

Объединение сотрудничало с сибирской общественностью в Петербурге: на собрания допускались «сведущие лица» – эксперты по местным вопросам, при участии депутатов учреждались общественные организации и объединения, направленные на историко-просветительскую, консультационную и справочную деятельность. К ним относятся общество изучения Сибири и улучшения ее быта, общество помощи учащимся в Петербурге сибирякам, петербургское сибирское собрание, справочное бюро, бесплатная библиотека-читальня и т.д.

Члены этнообластных объединений вносили много заявлений от своего лица, отдавая приоритет выступлениям по сметам правительства, запросам в отношении дискриминационной политики, поддерживали «погромные» запросы других объединений. Большинство из формул перехода, подаваемых от лица сибирского формирования, было принято. Из пяти инициатив областного сообщества законом стало предположение о всеобщей переписи населения, а открытие двух факультетов Томского университета было включено в смету на 1917 г.

Еврейское и сибирское представительство схожим образом позиционировалось в комиссиях: их недостаточно для занятия руководящего положения, но они обладали авторитетом по узким этноконфессиональным или областным потребностям. Сибиряки вошли во множество комиссий, «являясь там экспертами по вопросам, касающимся Сибири» (Там же, с. 44), то же относилось и к депутатам-евреям: «...вся Дума, за ничтожными исключениями, даже считала необходимым выслушивать меня как еврея» (Нисселович, 1908, с. 11).

Группы, считавшие себя посредниками между угнетенными общностями и правительством, ответственно подходили к своей роли и добивались успехов в защите «малых» ходатайств, не имея возможности выйти за рамки информирования о «крупных» потребностях. Низкая результативность лоббизма отмечалась у обоих этнотерриториальных формирований: «Наши депутаты мыкаются по министрам... и все идет по-прежнему» (Дубнов, 1998, с. 346); «Напрасно сибирские депутаты, перегруженные телеграммами и письмами... с разного рода просьбами, считают департаментские ступени... По-прежнему начальники “не понимают смысла подобных ходатайств...”» (Яковлевич, 1909, с. 19).

Низкий уровень экспертизы и репутация балласта думского крестьянства и духовенства, как и общая немногочисленность казачества позволяли фракциям дискриминировать данные сословные группы при выборах в комиссии, из-за чего их представленность в большинстве неприоритетных комиссий не позволяла влиять на законопроекты в собственных интересах без поддержки правого крыла, центра или оппозиции.

Единичные пожелания сословных объединений претворялись в жизнь: из более чем 20 инициатив казачьей группы обе палаты и утверждение императора прошли всего два проекта – о распространении Городового положения на город Новочеркасск и о вознаграждении донского войска за аренду войсковой земли частным коннозаводством; из трех предположений пастырского кружка законом стал проект об ассигновании на церковные школы 4 млн руб., значительно урезанный в размере. В ответ на пожелания представительства крестьян и законодательное предположение октябристов правительством были внесены законопроекты «Об упрощении наложения опеки на крестьян за расточительность» и «Об усилении уголовной ответственности за похищение лошадей и крупного домашнего скота», ставшие законами. Большинство предложений депутатов-крестьян были переданы в комиссии в качестве материала, признаны нежелательными или остались без рассмотрения.

Часть поправок казачьего формирования точечного характера была принята Думой: действие законопроекта о местном суде было распространено на станичные суды, содержание Таганрогского окружного суда перекладывалось на казначейство, компенсация за утраченное по военным обстоятельствам имущество устанавливалась в полном размере и расширялась на выживших в боевых действиях. Благодаря крестьянскому объединению из законопроекта об условно-досрочном освобождении были исключены конокрады, установлена необходимость крестьянского присутствия в уездной землеустроительной комиссии и штрафы за неуважительное отсутствие на их заседаниях. Все поправки пастырской группы, увеличивающие вознаграждение преподавателей Закона Божьего или расширяющие представительство духовенства в земских собраниях в западных губерниях и землеустроительных комиссиях, были отклонены. Распространенной информативной практикой защитников традиционных интересов было внесение формул перехода к последующим делам по отдельным законопроектам и бюджетным сметам, реакций на декларацию председателя Совета министров или важные политические события.

Сословные объединения преимущественно информировали властей о нуждах своего сословия: казаками на встрече с П. А. Столыпиным отмечалась необходимость «вдумчивого внимания к местным особенностям» Донского края (*Ефремов*, 1911, с. 29), в поддержку донского земства председателю Совета министров В. Н. Коковцову направлялась докладная записка и депутация от донцев (*Ефремов*, 1912, с. 30, 36), крестьяне приглашали руководство Главного переселенческого управления на свои собрания по переселенческому вопросу (Последние известия, 1908), духовенство обращалось в Совет министров по поводу предоставления льготного проезда в поездах, которым обладали офицеры, посещало министра народного просвещения с ходатайством об отложении экзаменов при поступлении из семинарии в университет до следующего года после издания циркуляра (*Никонович*, 1912, с. 26; *Никонович*, 1908, с. 694).

Совещание по промышленности и торговли собиралось влиять на экономическую политику правительства: «...группа взяла на себя задачу провести в этой области совершенно другие начала, выработать иные условия и с помощью законодательных учреждений провести их в жизнь» (Беседы..., 1907, 13 декабря). Однако, как отмечали сами участники совещаний, «законодательной инициативы она не имеет... не для разработки новых законопроектов» (Беседы..., 1907, 9 декабря) создавалась группа.

Торгово-промышленная ассоциация ориентировалась на участие в обработке правительственных и депутатских законопроектов благодаря прохождению во все интересующие комиссии. В рабочей комиссии из 33 членов 10 принадлежали к Совещанию, в ней «...заседают те же самые промышленники, которые заседают и в совете промышленности» (Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II, 1908–1909, ч. 4, стб. 652), в том числе председатель и секретарь комиссии. В комиссии по промышленности и торговле из 22 членов 10 – участники объединения, включая председателя и секретаря, как и 10 членов финансовой комиссии из 33 под руководством деятеля формирования (Государственная Дума. III созыв. II сессия. Справочник, 1909, с. 86–99). Из-за руководящего положения в комиссиях представители крупного капитала затягивали рассмотрение страхового законодательства, перерабатывали в соответствии с торгово-промышленными нуждами, оставляли без рассмотрения или отклоняли правительственные законопроекты или их части, ориентируясь на решения совместных совещаний.

Представительства местного самоуправления прошли процедуру регистрации и фокусировались на комиссионной обработке собственных инициатив: «...разработанные группой вопросы... передавались для дальнейшего законного движения в думскую Комиссию по городским делам и, будучи вполне подготовлены, получали бы возможно быстрое течение» ([Куманин Л.К.], 1999, с. 26). В комиссию по городским делам было избрано 33 представителя городской корпорации (включая комиссионных председателя, товарища председателя и товарища секретаря) из 44 членов комиссии. Комиссия по местному самоуправлению включала 29 членов земского объединения (включая председателя и секретаря комиссии) из 67 ее членов (Государственная Дума. IV созыв. I сессия. Справочник, 1913, с. 214–215, 218–219).

Представители корпоративных интересов внесли предположение «О земских съездах и проектах», при этом все три современные группы практически не использовали информативные средства: отдельные депутаты выступали в общих собраниях Думы, но от лица объединений не вносились формулы перехода и заявления, и только обсуждалась возможность внесения запросов.

Торгово-промышленное совещание формировалось при поддержке Совета Съездов представителей промышленности и торговли: им предоставлялось помещение для собраний, оказывались экспертное сопровождение и поддержка печатью (издание журнала «Промышленность и торговля» и т.д.). Ассоциации местного самоуправления также опирались на экспертов в своих областях: земское объединение организовывало собрания членов Думы и Совета с общественными земскими деятелями, городская группа «сочла необходимым иметь в своем распоряжении надлежащий статистический материал, а также мнения городских управлений о желательности преобразований» ([Куманин Л.К.], 1999, с. 16), проводила опрос с целью «выяснить настоящее состояние городского положения и... установить основы будущей реформы» (Фракция Союза..., 1914, с. 48), отправляла своих делегатов на Съезд городских жителей в город Киев. Деятельность думских корпоративных сообществ поддерживалась прогрессивными муниципальными журналами «Земское дело» и «Городское дело».

Преобладание лоббистского инструментария в деятельности торгово-промышленного кружка отмечалось современниками: «Дума, за спиной рабочего класса, и где-то в тайниках, в недрах сталкивалась с представителями промышленности и представителем Правительства», вопросы социального законодательства «решаются с заднего крыльца, не прямым путем» (Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II, 1908–1909, ч. 4, стб. 655). Члены объединения от лица своих торгово-промышленных организаций состояли в межведомственных совещаниях при министерствах, во властные органы направлялись депутатии, ходатайства, зачастую приносившие результат: в ходе посещения министра финансов депутатией группы от Государственного совета В. Н. Коковцов обещал защищать позиции частного сектора по вопросам страхового законодательства в обеих палатах и т.д.

Корпоративные сообщества также лоббировали свои интересы в Совете министров: председатель земцев С. Т. Варун-Секрет с председателем октябристов Н. И. Антоновым «в качестве представителей беспартийной земской группы Гос. думы» посещали председателя Совета министров В. Н. Коковцова, получив обещание содействия правительства ([Куманин Л.К.], 1999, с. 22). В поисках поддержки ответственного министерства в деле проведения реформы агенты местного самоуправления несколько раз встречались с министром внутренних дел Н. А. Маклаковым.

Политическая ориентация межфракционных объединений обуславливалась положением социальной общности, интересы которой они отстаивали. Дискриминируемые национальные и областные группы, как и казачество, угнетенные повинностями, тяготели к оппозиции. Пастырский кружок, отстаивавший потребности духовенства, терявшего свое положение в процессе модернизации, как и частично находившееся под их влиянием крестьянство, располагались от центра до крайне правых. Носители современных потребностей, претендовавшие на увеличение роли в обществе в результате перехода на капиталистические рельсы, опирались на либерально-консервативный центр. Таким образом, межфракционные группы оппозиционной направленности сформировались и обладали наибольшим влиянием в I–II созывах Думы, а представительства, ориентировавшиеся на центр и правый фланг – в III и IV созывах.

Этнорелигиозные и областные объединения ориентировались на взаимодействие с представляемыми народными массами и общественностью во всех ее проявлениях, осуществляемой в том числе и при широкой поддержке печати. Депутаты данных формирований совмещали «деловую» работу в комиссиях, где выступали как эксперты в узких вопросах, и деятельность в общем зале Думы, где приоритет отдавался информативной функции, при незначительных успехах собственных инициатив.

Сословные объединения, формировавшиеся для защиты традиционных интересов, зачастую дискриминируемых во фракциях, балансировали между участием в законотворческой деятельности и информированием общества о потребностях своего сословия. Лоббистская деятельность данных групп носила информативный характер при практическом отсутствии результатов, а связи с представляемыми сообществами и общественностью были слабы.

Модерные ассоциации, основанные на корпоративно-классовом факторе общности интересов, были наиболее приближены к лоббистским группам: они выступали как эксперты в области, отдавали приоритет «деловой» законотворческой деятельности, обработке в думских комиссиях правительственных или собственных инициатив. Современные группы не опирались на население и взаимодействовали с организованными сообществами своей профессиональной сферы, устремления которых они представляли и на мнение которых ориентировались. Ими практиковалась наиболее успешная лоббистская деятельность в правительственных учреждениях, дополняемая наличием представительства в Государственном совете.

Наибольших результатов в отстаивании специфических узких потребностей достигло торгово-промышленное совещание, обладавшее влиянием как в рамках Думы, так и за ее пределами, совмещавшее разнообразные парламентские и внепарламентские практики для защиты имущественных привилегий от покушений государства и общества. Обладавшим схожим потенциалом группам местного самоуправления не хватило должной степени «общности интересов», что уже, в свою очередь, не позволило вдохнуть новые начала в местное самоуправление до начала мировой войны. Группы интересов, не имевшие таких возможностей, вносили поспешные правки, информировали власть и общество о своих нуждах, точно влияли на улучшение быта представляемых сообществ, но из-за системных ограничений не могли решить их первоочередные потребности и нужды.

Список источников

- Беседы с депутатами Верхней и Нижней палаты // Голос Москвы. 1907. 9 декабря; 13 декабря.
- Богородицкий С.* В единении – сила // Неофициальный отдел Екатеринославских епархиальных ведомостей. 1912. № 16. 1 июня. С. 747–752.
- Ветошкин М.К.* Местные нужды и сибирская парламентская группа // Современный мир. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1912. Кн. 7. С. 311–325.
- Винавер М.М.* Кадеты и еврейский вопрос. СПб.: Тип. Буссея, 1907. 15 с.
- Вопросы торговли и промышленности в наших Законодательных Учреждениях // Промышленность и торговля. 1910. № 22. С. 550–553.
- Герасимов П.В.* Крестьяне и Дума. Из впечатлений депутатов // Русская мысль. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерова и Ко, 1908. Кн. 12. Отд. 2. С. 82–99.
- Головачев П.М.* Сибирские вопросы в Государственной Думе // Сибирские вопросы. 1906. № 1. С. 3–12.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I–II. СПб.: Гос. тип., 1908–1909.
- Государственная Дума. III созыв. II сессия. Справочник. СПб.: Гос. тип., 1909. 223 с.
- Государственная Дума. IV созыв. I сессия. Справочник. СПб.: Гос. тип., 1913. 745 с.
- Дубнов С.М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 672 с.
- Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа. От Французской революции 1789 года до Мировой войны 1914 года: в 3 т. Берлин: Грани, 1923. Т. 3.
- Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, ВПМД, 1994. 620 с.

- Ефремов И.Н.* Донское земство. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 136 с.
- Ефремов И.Н.* Отчет избирателям И.Н. Ефремова о деятельности в качестве члена III Государственной думы. 1907–1912 гг. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. Ч. 1. 96 с.
- Еще о сибирской парламентской группе // Сибирские вопросы. 1912. № 27. С. 40–51.
- Караулов М.А.* Сельская Русь и Государственная дума // Новая Россия. Основы и задачи Имперской народной партии. СПб., 1914. С. 24–38.
- [*Куманин Л.К.*] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 3–28; № 3. С. 3–27; № 7. С. 3–27.
- [*Лантнев*] *И.П.* Сибирь в Государственной Думе. Письма сибирского депутата о Гос. Думе // Сибирские вопросы. 1907. № 4. С. 30–35.
- Никонович Ф.И.* Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея отца Феодора Никоновича. Витебск: Витебск. Губерн. тип., 1912. 272 с.
- Никонович Ф.И.* Из дневника члена Государственной Думы – священника // Неофициальный отдел Полоцких епархиальных ведомостей. 1908. № 32. С. 693–698.
- Нисселович Л.Н.* Еврейский вопрос в III-ей Государственной Думе. Отчет члена Государственной Думы Л.Н. Нисселовича. СПб.: Тип Ц. Крайз, 1908. 42 с.
- Около Думы // Сибирская жизнь. 1907. 18 ноября.
- П.Г.* Сибирская группа депутатов в Государственной Думе // Сибирские вопросы. 1907. № 4. С. 1–3. Последние известия // Сибирская жизнь. 1908. 2 февраля.
- Протоколы Третьего делегатского съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. СПб., 1906. 130 с.
- Скороходов Б.* Сибирское областничество // Сибирская жизнь. 1913. 8 мая.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 2. 1908–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 655 с.
- Фракция Союза 17-го Октября в IV Государственной Думе (обзор деятельности). Сессия первая: 15 ноября 1912 – 25 июня 1913 года. СПб.: Издание парламентской фракции «Союза 17-го Октября», 1914. 91 с.
- Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства: воспоминания, материалы, документы // Книга о русском еврействе: от 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим, М., Минск, 2002. С. 54–115.
- Яковлевич.* Гора родила мышь // Сибирские вопросы. 1909. № 18. С. 19–21.
- Л.* Практические поправки к закону // Сибирские вопросы. 1907. № 21. С. 2–4.

Библиографический список

- Аврех А.Я.* Столыпин и III Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.
- Братолюбова М.В.* Парламентская деятельность российского казачества в начале XX века // Таврические чтения – 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб., 2013. Ч. 1. С. 92–108. EDN: TQXTYN.
- Васильев И.А.* Государственная служба православного духовенства в Российской империи: 1906–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 217 с. EDN: UGTRGV.
- Залевский К.* Национальные партии в России // Общественное движение в России в начале XX-го века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1914. Т. 3, кн. 5. С. 227–346.
- Кельнер В.Е.* Щит. М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге., 2018. 510 с. ISBN: 978-5-94380-265-2. EDN: YRMVTF.
- Кириянов И.К.* Депутатский корпус и лоббистские практики в России начала XX века // Власть. 2009. № 1. С. 105–109. EDN: JXTJOP.
- Кириянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. 368 с. ISBN: 5-93683-106-X. EDN: QPJCFR.
- Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906–1907. М.: РОССПЭН, 1996. 240 с.
- Нардова В.А.* Лев Александрович Велихов и реформа городского общественного управления (1907–16 гг.) // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 165–178. EDN: OSMYIX.
- Сметанин А.В.* Институт фракции в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2016. 268 с. EDN: ZQAAXF.

Соловьев К.А. Группы интересов и «представительный строй» в 1906–1914 годах // Российская Государственная Дума: исторический опыт и перспективы развития парламентаризма. М.: Изд. Гос. Думы, 2012. С. 159–171.

Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 512 с. ISBN: 978-5-8243-1623-0. EDN: RDVSRN.

Харусь О.А. Сибирские депутаты в Государственной думе: поиск баланса региональных и общероссийских интересов (1906–1916 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. 2015. № 395. С. 137–141. DOI: 10.17223/15617793/395/22. EDN: TZUOUB.

Чемакин А.А. Крестьянская группа IV Государственной думы в 1912–1914 гг.: принципы формирования и проблема идеологического позиционирования // Таврические чтения – 2015. Актуальные проблемы истории парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб., 2016. Ч. 1. С. 181–187. EDN: YORJKS.

Bentley A.F. *The Process of Government*. Chicago: The University of Chicago press, 1908. 501 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.02.2026

DEPUTY INTER-FACTIONAL GROUPS AS A PHENOMENON OF INTEREST REPRESENTATION IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE

Yu. A. Vorontsov

Independent researcher

ura1550@mail.ru

Researcher ID: PLR-9899-2026

SPIN: 9415-5347

Parliamentary inter-factional groups are alternative forms of representation of interests in the State Duma of the Russian Empire, uniting on the basis of the social proximity of their members who share the priority needs of their social groups. These parliamentary associations possess a number of advantages and disadvantages relative to political factions and differ in the tools for promoting their own interests. The tools of deputy groups are revealed through activities in the general hall and commissions of the Duma, interaction with society and lobbying activities in executive authorities. The article presents the author's classification of parliamentary inter-factional groups based on the degree of official institutionalization of the collective and the type of specific interests represented. The first criterion distinguishes pressure groups and deliberative groups, while the second criterion is modern class-corporate interest groups, traditional estate associations and ethno-territorial representations. The representation of modern interests, focused on the commission processing of government and deputy initiatives, supported by members of the Council of Ministers, State Council and organized expert communities, had the greatest potential in defending his own interests. Traditional and national-regional interest groups achieved minor improvements in the situation of their social groups but, due to limited opportunities, could not go beyond these limits.

Key words: Russian Empire, State Duma, inter-faction groups, representation of interests, lobbying, interest groups, legislative activity.

References

Avrech, A. Y. (1968). *Stolypin and the Third Duma*. Nauka.

Bentley, A. F. (1908). *The process of government*. The University of Chicago Press.

Bratolyubova, M. V. (2013). Parliamentary activity of the Russian Cossacks in the early 20th century. In A. B. Nikolaev (Ed.), *Tavricheskie Readings 2012: Current problems of parliamentarism: history and modernity* (pp. 92–108). Eleksis.

Chemakin, A. A. (2016). The peasant group of the Fourth State Duma in 1912–1914: principles of formation and the problem of ideological positioning. In A. B. Nikolaev (Ed.), *Tavricheskie Readings 2015: Current problems of parliamentarism: history and modernity* (pp. 181–187).

Kelner, V. E. (2018). *Shield. M. M. Vinaver and the Jewish question in Russia in the late 19th – early 20th century*. European University Press.

Kharus', O. A. (2015). Siberian deputies in the State Duma: seeking a balance of regional and all-Russian interests (1906–1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (395), 137–141.

Kiryanov, I. K. (2006). *Russian parliamentarians of the early twentieth century: New politicians in a new political space*.

- Kiryanov, I. K. (2009). Deputy corps and lobbying practices in Russia at the beginning of the 20th century. *Vlast'*, (1), 105–109.
- Kozbanenko, V. A. (1996). *Party factions in the First and Second State Dumas of Russia. 1906–1907*. ROSSPEN.
- Nardova, V. A. (2007). Lev Aleksandrovich Velikhov and the reform of urban public administration (1907–1916). In L. A. Verbitskaya (Ed.), *Power, society and reform in Russia: history, sources, historiography* (pp. 165–178).
- Smetanin, A. V. (2016). *Institute of the faction in the State Duma of the Russian Empire (1906–1917)* (Doctoral dissertation). Perm State University.
- Solovev, K. A. (2011). *Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)*. ROSSPEN.
- Solov'ev, K. A. (2012). Interest groups and "representative system" in 1906–1914. In A. E. Petrov (Ed.), *Russian State Duma: historical experience and prospects for the development of parliamentarianism* (pp. 159–171). Izdanie Gosudarstvennoi Dumy.
- Vasilev, I. A. (2011). *State service of the Orthodox clergy in the Russian Empire: 1906–1917* (Doctoral dissertation). St. Petersburg State University.
- Zalevskiy, K. (1914). National parties in Russia. In L. Martov, P. Maslov, & A. Potresov (Eds.), *Public movement in Russia at the beginning of the 20th century* (Vol. 3, Pt. 5, pp. 227–346).